наше завтра
ИЗДАТЕЛЬСТВО
магазин ДЕНЬ
NZAVTRA.RU ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ
+7 (499) 490-70-48 +7 (499) 350-17-79
НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ 16+

Проханов Александр. Меченосец. Роман. Расплавленный свинец. Стихи. — М. : Наше Завтра, 2022. — 432 с.

Перед взором читателя нового прохановского романа проходят либералы-постмодернисты, русские патриоты всех сортов, евреи, неоязычники-"арийцы", "комсомольцы"-номенклатурщики, увлечённые созданием кооперативно-сырьевого коммунизма "для своих" как придатка к великой западной цивилизации, бандеровцы, с их идеалом "одвечной" Украины, якобы обокраденной и обесчещенной "москалями", мистики-космисты, верующие катакомбной церкви…

Проходят трижды: вначале через составление "атласа аномальных явлений" позднесоветского общества, затем через вербовку знаковых фигур из этих "аномальных явлений" и, в конце концов, через их трансформацию в "атлас авангардных явлений" будущего постсоветского общества.

Главный герой — капитан КГБ Сергей Максимович Листовидов, обладатель дарованного ему природой "лобного ока", получивший за проведённую им операцию звание майора и орден Боевого Красного Знамени. Рядом появляется, становится его гидом по "аномальным явлениям", возлюбленной и таинственно исчезает волшебная красавица-социолог Варя Волховитина, вдова искусствоведа Олега Волховитина, автора книги "Соцветие мироздания" (явный парафраз "Розы мира" Даниила Андреева), несколько лет назад "отработанного" Листовидовым до расстрельного приговора в деле по предотвращению теракта — угона самолёта.

Она же в конце романа оказывается Ольгой Крыжовниковой, коллегой Листовидова по "конторе", и они встречаются на церемонии награждения в клубе КГБ, чтобы навсегда расстаться и забыть о том, что было и чего не было между ними. "Тебе поручен очередной ход. Сделаешь его, а потом и тебя выведут из операции…" — говорит она.

Дополняет ряд "растительных" метаморфоз/трансформаций "ветхого государства" СССР в "обновлённое государство", тогда ещё не существующее, ещё не переименованное в Российскую Федерацию, не сокращённое в РФ из РСФСР, не начавшее новый, постсоветский цикл своей жизни, генерал-полковник КГБ (то есть как минимум начальник управления, если не заместитель председателя) Иван Фёдорович Клубников, один из демиургов этих трансформаций, который "творит" прошлое, настоящее и будущее: "…Есть операции, которые начинаются в начале одного столетия, а завершаются в конце другого… Мы стараемся овладеть историей, взять её в плен, планируем её ход. Но, не ведая того, закладываем в наши планы ошибку. Сквозь эту ошибку, как сквозь игольное ушко, история выскальзывает на свободу, освобождается от нас. Будущее — это ошибочно спланированное настоящее…"

Александр Проханов вовсе не пишет роман за романом — он создаёт единый гипертекст, сверхроман, где пытается рассмотреть и разгадать тайну собственного бытия: в сопряжении с бытием своего рода, своего народа, своей страны, всего человечества в целом — через разные измерения, через все доступные обстоятельства места и времени: от бездны света и любви до бездны тьмы и ненависти. Додумывая недоступные — словно охотник, пытающийся по свежему следу определить движение добычи; словно естествоиспытатель, стремящийся по единственной косточке восстановить строение некогда живого организма; или реставратор, желающий по обрывку холста воссоздать во всей красоте неведомую утраченную Джоконду…

Что получается в итоге? Творчество как яд и как панацея. И — мир, Вселенная как творческая спецоперация Бога. Как Его мистификация, Его "матрица", где истинны даже не рождение, жизнь и смерть людей, государств, народов или цивилизаций, но лишь Его воля, явленная нам через людей, через природу, через время — через всё.

ТАИНСТВЕННОЕ СЕРДЦЕ

Глава из романа

В ТОТ ГОД, в свои первые "оперативные выходы", лейтенант Листовидов отправлялся в места скопления интеллигенции, "нерестилища", как он их называл. Там царили диссидентские веяния, из личинок вылуплялись зрелые диссиденты, сочинялись злые анекдоты, ходили по рукам запретные книги и рукописи. "Нерестилищами" были Дом литераторов, Дом журналистов, Дом учёных, Дом архитекторов. Из всех "домов" писательский был самым диссидентствующим. Среди писателей во все русские времена возникали заговорщики и смутьяны.

Листовидов приходил в Дом литераторов под вечер, когда писательский люд, отшелестев бумагами, отстучав печатными машинками, стекался в клуб.

Сплетничали, ужинали, пили водку, интриговали, читали стихи, хвастали, бранили власть. В этой едкой мути Листовидов учился отличать фрондёров от заговорщиков, шумных витий от тихих идеологов. Он присаживался за столик, в "пёстрый" зал, где шумело писательское многолюдье. Писатели тесно, плечо к плечу, сидели за столиками. Чокались, хохотали, ссорились, произносили бестолковые речи, заманивали хмельных женщин.

— Ты знаешь, кто первый поэт России? Нет, ты смотри, смотри! Это я!

— "Я люблю деревенские травы, я люблю деревенскую рожь!"

— Любочка, за твои за глазки голубые всю-то я вселенную отдам!

— Брежнев приходит к Черненко: "Напомни мне, кто я такой".

Стены зала были покрыты росписями с изображением маститых писателей, многие из которых сидели тут же, среди своих изображений.

К Листовидову за столик подсел весельчак, миловидный говорун с рыжими глазами тростникового кота.

— Я Сержик, а ты? — он держал фарфоровую чашечку с водкой.

— Я Сергей.

— Давай выпьем.

Он поделился водкой, рассказал анекдот про Брежнева, смешно копируя генсека. Первый же начал смеяться. Выслушал стих Листовидова, который тот сочинил, выдавая себя за поэта.

— "В этот вечер голубой любовался я тобой".

— Неплохо. Чувствуешь цвет. Хочешь познакомиться с настоящей культурой?

Предложил купить у него запрещённые книги. Достал из сумки Набокова "Приглашение на казнь", Милюкова "Движение русской исторической мысли".

Листовидов не знал ни того ни другого. Купил обоих. Расстались приятелями, уговорились встретиться.

Листовидов запоем прочитал Набокова, восхищаясь сладостью языка, превосходящего бунинский. Сверкающий топор, который месье Пьер носил в футляре, как носят виолончель, приснился Листовидову ночью. С карандашом проштудировал Милюкова, изумляясь трактовкам русской истории, с которыми был вынужден согласиться. Через день встретился с Сержиком в "пёстром" зале, где "нерестились" писатели.

— Послушай, гениальные книги! Топор месье Пьера — ведь это топор чекистов, которым зарубили Россию! Русская историческая мысль рождалась под топором государства, которое и было месье Пьером!

Сержик извлёк из той же подержанной сумки Платонова "Котлован" и Бердяева "Истоки русского коммунизма".

— Учись, мой сын, науки сокращают что-то там такое из быстротекущей жизни.

Листовидов купил книги, и они стали встречаться.

СЕРЖИК, МИЛЫЙ, интеллигентный, зарабатывал тем, что продавал писателям запретные книги. Размножал на принтере экземпляры, тайком привезённые из-за границы. Он был обожатель этих книг, знаток философии и поэзии — той культуры, которую увёз из России "философский пароход", оставив после себя "грохочущую пустоту большевизма", как сказал Сержик.

С Сержиком пили водку, рассуждали о Шестове, Франке, Флоренском. Сержик грезил библиотеками Парижа и Нью-Йорка, говорил, что скоро получит к ним доступ.

— Как ты получишь?

— Перемахну границу и стану читать.

Сержик проговорился, что задумал бежать за кордон.

— А меня возьмёшь? — Листовидов признался, что и он замышляет побег за границу, и стал излагать свой план.

— Едем в Карелию. Лесами проберёмся к финской границе, уйдём в Финляндию.

Он подробно рассказывал Сержику, как будет скрываться в заброшенных карельских деревнях, питаться грибами и ягодами, ставить петли на глухарей и сети на озёрную рыбу. Сержик слушал, соглашался и однажды сказал:

— Незачем терпеть все эти комариные лесные невзгоды. В Финляндию можно добраться быстрее — угнать самолёт.

Лейтенант Листовидов не зря просиживал в пьяном "пёстром" зале, не зря пил водку с Сержиком, не зря штудировал кристаллические тексты Бердяева, упивался мучительным и чудесным Платоновым.

"Самолёт" — так будет называться операция, зародившаяся в "пёстром" зале под фреской с остроносым Евтушенко, что "ест тушёнку".

Тогда Листовидов впервые ощутил в себе дар перевоплощения. Он становился тем, кем его хотели видеть. Был неотличимым от тех, с кем общался. Он, как и Сержик, бранил государство, хулил власть, поносил чекистов, расстрелявших Гумилёва, замучивших Мандельштама, накинувших петлю на Цветаеву, изводивших Ахматову.

Он восхитился идеей угнать самолёт, предлагал Сержику план угона. Убеждал, что нужно найти смельчаков, готовых бежать из страны, составить бесстрашную группу, способную на угон. Сержик выслушивал, соглашался. Становился вдруг осторожным и недоверчивым, пропадал на несколько дней и вновь появлялся.

Они сидели в пьяном зале, Сержик в который раз выслушивал план Листовидова, как угнать самолёт.

— Слушай, такой план уже есть. Есть такая группа. Есть человек, который всё продумал. Я тебя с ним познакомлю.

Наконец случилось то, чего терпеливо ждал Листовидов. Сержик позвал его к человеку, замыслившему угон.

ИХ СВИДАНИЕ состоялось в Музее изобразительных искусств, у бронзовой статуи кондотьера, у копыта лошадиной ноги.

Человека звали Олег. Статный, тонкая переносица, пушистые брови, внимательный ясный взгляд. Длинные светлые волосы падали на лоб, он отбрасывал их нервным кивком. Отбрасывая волосы, он походил на поэта, читающего стихи. Рука, что он протянул Листовидову, была тёплая, мягкая, но вдруг стала цепкой, твёрдой, не желала выпускать ладонь Листовидова.

— Сержик мне о тебе рассказывал. Давай пройдёмся.

Олег предложил Листовидову прогуляться по залам музея. Там, решил Листовидов, среди картин и редких посетителей Олег откроет ему план угона, предложит войти в команду угонщиков.

Но предложения не последовало. Олег останавливался перед картинами импрессионистов, читал Листовидову небольшие лекции по искусству.

— Ван Гог сделал открытие, о котором мечтал Эйнштейн, но так и не сделал. Ван Гог открыл волновую природу Вселенной, вибрацию, которая охватывает весь земной и небесный мир. На его картинах волнуется небо, восходят сразу несколько лун и светил. Волнуется и трепещет дорога, по которой идёт путник. Волнуется рожь, река, дерево, женщина. Всё превращается в волну, летит, струится. Ты видишь?

Листовидов кивал.

— Гоген открыл европейцам Рай. Из парижских трущоб, кокаиновых курилен, грязных притонов, больных ночлежек он попал в неземные красоты с райскими деревами, божественными цветами, восхитительными небожителями. Они ставят смуглые стопы на золотой песок, подносят к фиолетовым губам малиновые плоды. Ты хочешь побывать в раю?

Листовидов кивал. Его удивляли эти небольшие изысканные проповеди, произносимые для него одного. Это было испытание. Олег хотел почувствовать того, кого ему предлагали в команду, быть может, в команду смертников. Хотел, чтобы этот смертник был близок по духу, шёл на смертельное дело, исповедуя ту же веру, что и он.

Листовидов угадал этот замысел. Стоя перед картиной Ван Гога "Пейзаж в Овере после дождя", рассказал Олегу, как однажды на Оби испытал волшебные вибрации мира.

— Вдруг взволновались и полетели травы! Засверкала множеством струй река! Взлетели тысячи стрекоз, на белые цветы уселись тысячи бронзовых жуков, в тумане из трав поднялись два светила, голубое и розовое… Я говорю словами, но это передать невозможно!..

Олег положил свою тёплую руку ему на плечо. Ничего не сказал об угоне. Предложил погулять в подмосковном лесу. Они встретились на платформе Опалиха. С Олегом был Сержик и третий, по имени Гога, суровый крепыш с тяжёлыми надбровьями и чёрными, как у жужелицы, глазами. Они углубились в березняк. Олег достал пистолет. Повесил на берёзу носовой платок, протянул пистолет Листовидову.

— Возьми.

— Зачем?

— Ты владеешь оружием?

Олег предложил Листовидову сделать выстрел.

Листовидов был отличный стрелок, посещал тир в подвале Лубянки. Но здесь, в лесу, как и в залах музея, его проверяли. Пусть думают, что он незнаком с оружием. Он неохотно принял у Олега пистолет, долго целился в платок, сделал два выстрела — оба мимо.

— Дай сюда, стрелок!

Олег отобрал пистолет и, почти навскидку выстрелив, прошил в платке дыру.

Тут же, в лесу, Олег изложил Листовидову план захвата самолёта, летящего рейсом Москва — Ленинград.

— Мы, все четверо, войдём в салон. Дождёмся взлёта. На половине пути захватим кабину пилотов. Блокируем стюардесс. Оружием заставляем пилотов изменить курс: минуя Ленинград, в Финляндию. Просим политическое убежище.

Листовидов согласился не сразу, сомневался, переспрашивал, делал вид, что готов отказаться. Олег убеждал Листовидова в совершенстве замысла. И тот был принят в команду.

Они развели костёр, пекли картошку, пили водку. Олег на французском читал стихи Элюара, рассказывал о Париже, с наслаждением произносил: "Сакра кер", "Фоли Берже", "Остров Сите". Он обожал французскую культуру. Говорил, что в нём течёт кровь маршала Нея. Наполеоновский маршал, взяв Москву, влюбился в московскую дворянку. А ночами Олегу является его французский прародич.

Листовидов ничего не знал об Олеге: где живёт, есть ли семья, как собирается жить за границей.

— Моя жена — Франция, — ответил Олег.

Олег был мечтателен, в серых глазах переливался перламутровый Невский. Листовидову вдруг стало худо: он готовит этому мечтателю ужасную долю. И надо открыться, отговорить от безумного плана, и пусть всё так же краснеет вино в его бокале, пусть медовый саксофон выводит "Утомлённое солнце" и бабочки летают по страницам его романа.

Искушение длилось мгновение. Ещё и ещё раз они продумывали до мелочей план операции.

НАСТУПИЛ ДЕНЬ УГОНА. Все четверо с билетами в карманах, с завёрнутыми в фольгу пистолетами шли к стойке регистрации, когда их перехватила группа захвата. Сержика и Гогу скрутили сразу и увели из толпы. Листовидову нацепили наручники и оттеснили в сторону. Олег успел выхватить пистолет, открыл стрельбу.

— Суки! Не возьмёте!

Он убил бойца и пассажира, был подстрелен в ногу.

Его волокли, он кричал, оставляя на полу кровавую борозду.

Следствие длилось два месяца. Листовидова вызывали в тюрьму Лефортово. Следователь был однобровый. Другая бровь сгорела в неизвестном пожаре, вместо неё краснел рубец, под рубцом стекленел искусственный глаз. Следователь был краснобровый, как тетерев.

Листовидова вызвали на очную ставку с Олегом.

Тот сидел сутулый, бритый наголо, с бескровным лицом, потухшими глазами. Рядом со стулом стоял костыль. Листовидов рассказал о заговоре, о "пёстром" зале с пьяными писателями, о залах музея с картинами Ван Гога и Гогена, о березняке в Опалихе, где стреляли по платку, пекли картошку и пили водку.

Рассказал о кафе на Невском, где медовый саксофон играл "Утомлённое солнце". Когда следователь спросил Олега, подтверждает ли тот показания Листовидова, Олег выпрямился, глаза его жарко вспыхнули:

— Иуда! Мразь! — и он плюнул в Листовидова.

Сержика и Гогу приговорили к десяти годам колонии, а Олега расстреляли. Листовидова повысили в звании и объявили благодарность. Он просил руководство показать ему рукопись изъятой книги о бабочках. Но ему отказали.

Теперь, спустя годы, капитан госбезопасности Сергей Максимович Листовидов осуществлял операцию внедрения. Он предотвращал угон государства…

Листовидов просматривал "атлас аномальных явлений". Это были кружки ворчунов, юмористов, злобных ругателей. Каждый был безвреден и неопасен для могучего государства. Как неопасен моросящий дождь для кремлёвских зубцов и башен. Но в каждом из этих никчёмных сообществ находился малый клубочек. Если ухватить волшебную нить и идти за клубочком, он приведёт в убежище заговорщиков.

Генералы, партийцы, министры — эти заговорщики скрываются не в московских квартирах, а заседают в военных штабах, партийных кабинетах, на министерских коллегиях. Смысл задания, полученного от генерала Клубникова, — обнаружить убежище, вскрыть заговор, уничтожить заговорщиков.

Листовидов действовал, как пеленгатор. Проводил линию из каждой "аномальной зоны" к убежищу заговорщиков. На пересечении линий находилось убежище. Он проникнет в убежище, вскроет заговор. Последует взмах усыпанного бриллиантами меча. Меч срежет мятежные головы, вырежет опухоль, иссечёт метастазы, изъедающие плоть государства. Так думал капитан госбезопасности Листовидов, меченосец тайного ордена…

Он ходил на службу, в свой кабинет на Лубянке. Писал рапорты, оформлял агентурные донесения, отправлял их в секретную часть, откуда их затребует начальство. Пересмеивался с приятелями-офицерами, ходил стрелять в тир, видел отъезжавшую машину с грузным угнездившимся генералом, совершенствовал "атлас аномальных явлений". И чувствовал постоянную, глубинную боль, будто осколок перемещался в нём, блуждал в поисках сердца, чтобы вонзиться и умертвить. Листовидов следил за перемещением осколка, составлял "атлас боли".

Он хотел объяснить свои мучения неизбежными, свойственными его профессии тратами. Его служение государству предполагало подобные траты и ещё более страшные, роковые. Государство было святыней, сбережение которой требовало непрерывных, век от века, жертв. Он хранил бриллиантовый меч государства, был меченосцем, и это служение искупало, делало неизбежными все жертвы и траты.

ЛИСТОВИДОВ СТРЕМИЛСЯ представить то, чему служил, чему посвятил свою жизнь. Что́ оно, государство, тайная сущность, обитающая в непроглядных глубинах народной жизни? Оно всплывает на поверхность множеством мерцаний, среди которых неуловим его подлинный образ. Листовидов хотел угадать по этим мерцаниям потаённое ядро, имя которому — государство. Чувствовал исходящую из ядра грозную мощь, расплавленный жар, леденящий холод. Ядро излучало, и его излучение пугало, восхищало, вызывало тоску, ненависть, молитвенное упование.

Среди мерцаний, которыми обнаруживало себя государство, были портреты и могилы вождей, кремлёвские звёзды и золотые куранты, огненный флаг и торжественный, как гул океана, гимн. Всё было мерцанием, всё скрывало тайную суть. Министерства с несметными служащими, гарнизоны с миллионами солдат, военные приказы и шумные воззвания съездов, космические пуски и огромные стройки — всё было мерцанием. Государство заявляло о себе свершениями, которыми народ вгрызался в топи и льды, опрокидывал нашествия, добивался великих побед.

С помощью государства народ вгрызался в историю. Но и это было мерцанием. Государство мостило поля сражений костями героев, прятало в ямы изуродованных пытками мучеников. Государство примиряло ненавидящие друг друга сословия, укрощало властолюбцев, вершило суды и казни. Низвергало тщеславных вождей и отдавало победу осторожным лукавцам. Государству слагались хвалебные оды и глухие хуленья.

Но всё это казалось мерцанием. Государством было то, что не имело названия и давало всему названия. Делало вдох — и всё начинало дышать, плодоносило, умножалось. Делало выдох — и всё хирело, осыпалось, превращалось в строительный мусор на картине Кандинского. Государство было таинственным сердцем, бьющимся в русской истории. Оно останавливалось — и прекращалась история. Начинало стучать — и эти стуки превращались в громы победных сражений, грохоты невиданных строек. Сейчас сердце вяло хлюпало и всё вокруг увядало, сгнивало, испускало смертельные яды. Листовидов был государственник умирающего государства. Был меченосец лишённого бриллиантов меча…

Кто он, Листовидов? Пожарный, гасящий истлевающее "ветхое" государство? Или поджигатель, кидающий спички в ветошь? Офицер безопасности, искореняющий заговор? Или заговорщик, плетущий сеть? Меченосец, давший присягу мечу? Или предатель, оставляющий поле брани?

Он был и тем, и другим, и третьим. И пожарным в асбестовой робе, бесстрашно ныряющим в пламя, и Антоном Антоновичем с нелепой салфеткой, убегающим скачками с пожара, и обгорелой женщиной в одеяле из пены, и кем-то ещё без имени, без лица, блуждающим по Москве под мокрым снегом….

Листовидов ходил от картины к картине, испытывая всё то же не покидавшее его непонимание мира. Его заманили в этот мир, не объяснив зачем, и так же, без объяснения, уведут. Его непонимание было болезнью, превращалось в ноющую немощь…

Листовидов прозрел. Пала мутная завеса. Распуталось бессмысленное сплетение событий. Случайные отрезки жизни срослись в непрерывную линию. В "линию жизни". В жизненный путь. Эту линию для него провели. На неё поставили. Возвращали, если он отклонялся. Нацеливали, если он начинал плутать. Толкали, если он останавливался. Его взращивали. Он был помещён в инкубатор. Был включён в рассчитанную на век операцию…

"Заговор на Лубянке, в кабинете с резными звёздами. Заговор на Старой площади с золотой надписью "Центральный комитет". Заговор в Министерстве обороны, белом, как сахарный торт. Заговор в Госплане, каменной громаде в Охотном ряду. Заговор в Библиотеке Ленина с шелестом книг и газет. Заговор в Большом театре с Аполлоном на колеснице. Заговор в ресторане "Прага" с зеркалами и джаз-оркестром. Заговор в Елоховской церкви среди кадильных дымов. Заговор на Птичьем рынке с канарейками и рыбками гуппи. Заговор в моей голове!"

Листовидов метался по Москве. Его мозг превращался в огромную опухоль. Она разрасталась, разбухала за пределы черепа, вываливалась наружу сине-лиловым комом. В этой опухоли тонули высотные здания с роскошными квартирами, кремлёвские башни с белокаменными завитками, мавзолей с мертвенным ликом, памятник Пушкину с розами у подножья.

Тонули улицы, площади, красные звёзды, витрины, фонари, светофоры. Москва, по которой колесил Листовидов, превращалась в сине-лиловую опухоль, имя которой — "Обновлённое государство".

Его мысль кувыркалась. Вся русская история кувыркалась в переворотах и заговорах. Стрельцы с бердышами идут на Кремль, и топор палача сочно уходит в сырую плаху, отрубает пучеглазую стрелецкую голову.

Императрица на гнедом жеребце в гвардейском мундире скачет в Семёновский полк, и её муж-император хрипит в удавке, задыхаясь в шёлковом шарфе.

Император-затворник укрылся в покоях, слышит, как в ночных коридорах гудят шаги заговорщиков, и в руке убийцы блеск золотой табакерки.

Генералы германского фронта окружили царский вагон, вырывают у царя отреченье, и царь в Ипатьевском доме прижимает к груди цесаревича среди грохочущих револьверов Юровского.

Большевики "ленинской гвардии" смещают "чудесного грузина", и в подвалах Лубянки в колено Бухарина вбивают кованый гвоздь.

Тухачевский готовит "генеральский мятеж", его спину прижигают раскалённым шкворнем и ведут в ночи убивать.

Берия примеряет мундир усопшего Сталина, но ему в пенсне вгоняют пулю.

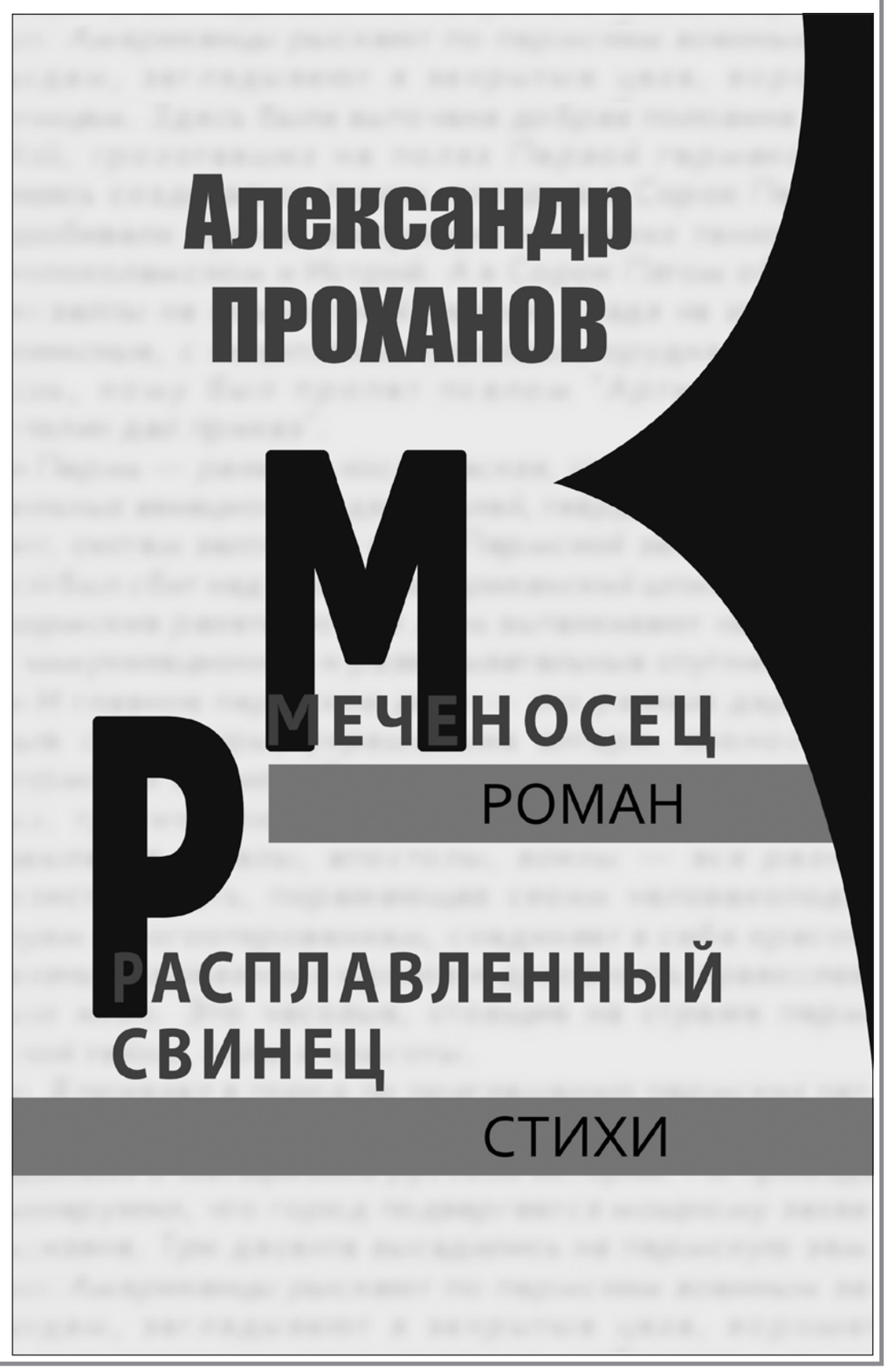
Издательство "Наше Завтра" при информационной поддержке каналов "День ТВ", "Наше Завтра", "Книжный день" и газеты "Завтра" **10 сентября 2022 года (суббота)** проводит научно-просветительскую конференцию

СВЕРХНОВАЯ РОССИЯ. КАКАЯ ТЫ БУДЕШЬ?

В числе докладчиков выступит главный редактор газеты "Завтра" писатель

Александр ПРОХАНОВ

В фойе будет расположен стол с его книгами:

Вопрос в лоб
День
Заветные люди
Паола Боа; Цифра
Сыны Виссариона; Крым
Холм
ЦДЛ; Оплавленный янтарь
Человек звезды
Меченосец

Адрес: Москва, Измайловское шоссе, д. 71, корп. 4, гостиница "Измайлово", корпус "Гамма-Дельта" (станция метро "Партизанская"). Время проведения мероприятия: с 11.00 до 19.00.